

воду, что постоянная ударность и неударность всегда были или становились фонологическим свойством слов. Интересно его положение, что автоматическое ударение вообще представляет собой прежде всего психическое и лишь потом лингвистическое явление. Правильны вывод автора о том, что роль ударения в прибалтийско-финских диалектах не одинакова. В большинстве диалектов ударение — вполне самостоятельная фонологическая единица, а в ливском и эстонском языках оно теснейшим образом связано с длительностью, тонами и т. д. Рассмотрено также ударение в сложных словах и изменения роли ударения.

В разделе о длительности Т.-Р. Вейтсо предполагает, что в праприбалтийско-финском языке она была дистриктивной только в области вокализма: в первом слоге противопоставлялись короткие и длинные гласные фонемы. По его мнению, противопоставления коротких и длинных согласных фонем возникли позднее и по-разному в отдельных языках и диалектах. Подробно рассматривается, каким образом они могли возникнуть.

В разделе о палатализации приведены все случаи ее происхождения и наличия в различных прибалтийско-финских языках. Автор, кроме того, выдвинул рабочую гипотезу о том, что в некоторых позициях палатализация может быть унаследована из праприбалтийско-финского языка, напр. *l̥* в начале слова.

В этой же главе приведены некоторые критерии образования прибалтийско-финских диалектов. Один из них — *ε*-критерий. Встречаемость фонемы *ε* различается прибалтийско-финские языки на разные диалекты и диалектные союзы.

Новая группировка Т.-Р. Вейтсо во многом удачнее предыдущих, хотя и в ней имеются теоретические положения, которые кажутся сомнительными или недоказанными, если учитывать только один критерий — фонему *ε* (с. 300, табл. 22), напр., теория о существовании единой койваской, или же морской (невско-ливской) группы и т. д. Т.-Р. Вейтсо поддерживает взгляды финно-угроведов, которые отрицают существование фонемы *ε* в праприбалтийско-финском языке (с. 295—300). Было бы весьма желательно дальнейшее, более основательное изучение этой проблемы.

В разделе о чередовании ступеней правильно рассматриваются все возможности проявления этого факта, типичного для прибалтийско-финских языков. Большим достижением исследования Т.-Р. Вейтсо нужно считать то, что он установил типы чередования ступеней и их распространение в прибалтийско-финском ареале. Приведено 18 типов. Можно согласиться с автором, что расположение типов чередования ступеней в общих чертах совпадает с распространением прибалтийско-финских языков и диалектов. Рецензент одобряет мнение автора о том, что чередование ступеней образовалось в праприбалтийско-финском языке и было кардинальным фонологическим изменением. Еще более кардинальные изменения произошли позднее, которые вызваны синкопой, апокопой и т. д.

В рецензируемом труде впервые представлены как синхронная, так и диахронная фонология прибалтийско-финских языков — это новое достижение финно-угристики, весьма важное для всех финно-угроведов.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.4.14>

Ю. Э. Сюръялайнен, Названия растений в финских говорах Ленинградской области. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1982.

10 января 1983 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по приращению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Ю. Э. Сюръялайнен «Назва-

ния растений в финских говорах Ленинградской области» (научный руководитель — доктор филологических наук З. М. Дубровина). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре, канди-

дат филологических наук М. И. Мулло-нен.

Хотя финские народные названия растений собирались и публиковались с середины прошлого века (Х. А. Рейнхольм, 1851, Э. Лённрот, 1860 и др.), тем не менее до сих пор они не подвергались лингвистическому анализу ни в Финляндии, ни в других странах. Примечательно, что решение этой интересной и сложной задачи впервые ставит своей целью представитель советского финно-угроведения. Ограничив тему исследования в основном своим родным краем — Ленинградской областью, Ю. Э. Сюръялайнен вынуждена была начинать в полном смысле слова с нуля: отсутствовали какие бы то ни было материалы о названиях растений, употребляющихся в говорах этой области, не говоря уже о попытках их лингвистического анализа. Ю. Э. Сюръялайнен собрала материал в диалектологических экспедициях 1977—1980 гг. от более чем 100 информантов; охвачены 22 финских говора; общее количество собранных названий — свыше 600.

Ввиду быстрых темпов выхода из употребления диалектной лексики тему работы следует считать весьма актуальной, о чем свидетельствует и включение ее в список исследовательских работ Карельского филиала Академии наук СССР. Впервые подвергнута анализу финская народная лексика флоры вообще. В работе ставились и поэтапно решались следующие задачи: сбор и идентификация финских народных названий растений (эта задача решалась уже на подготовительном этапе), выявление способов номинации (ономастического аспекта), определение словообразовательной структуры наименований растений, их номинативных вариантов и ареалов распространения в говорах.

Исследование Ю. Э. Сюръялайнен (с приложениями — 243 машинописные страницы) состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы и условных сокращений. В приложениях даны указатель ингерманландских наименований растений, словарь собранных названий с русскими и латинскими соответствиями и с указанием ареалов каждого наименования, список информантов. Все части работы представляют ценность, при чтении ее

особенно удобен алфавитный указатель наименований растений.

В достаточно большом по объему «Введении» (с. 10—36) приводятся сведения об истории ингерманландских говоров и выделяются основные черты их исторического развития и современного состояния. Особый раздел посвящен специфике ингерманландской лексики флоры и методике сбора материала. Описываются трудности, с которыми постоянно сталкивается исследователь названий растений, и показываются приемы опроса для уточнения сведений в случае неопределенности и противоречивости получаемой информации. Так, при опросе возможны ответы даже в виде импровизированного дословного перевода русских слов (*подснежник* — *lumenalokukkane*), лишённого терминологического значения. Исследователь наименований растений найдет здесь ряд полезных практических советов, касающихся техники сбора материала. Введение включает и табл. 1, в которой приводятся результаты сбора материала: общее число названий растений — 623, из них самую большую группу составляют названия травянистых растений (316) и грибов (92), самые малые группы — названия декоративных садовых (19) и комнатных (20) растений.

Первая глава «Способы наименования растений» (с. 37—76) включает два раздела: наименования по признаку и заимствования. Автор хорошо знакома с теоретическими работами по вопросам ономастического и семасиологического аспектов языка. Наименование по признаку — основной способ обозначения растений в рассматриваемых говорах. К таким признакам автор относит цвет (*keltakukka* 'одуванчик', букв. 'желтый цветок'), форму, особенности отдельных морфологических частей растения (напр. свойства стебля: *jäsenheinä* 'хвощ полевой', букв. 'сустав-трава'), место произрастания (*kankasporovikka* 'боровик со светлой шляпкой', букв. 'боровик (растущий в сухом месте)'), время произрастания (цветения) (*helluntaiukukka* 'первоцвет весенний', букв. 'троицын цветок'), вкусовые свойства (*jäniksensuolaheinä* 'кислица обыкновенная', букв. 'заячий щавель'), свойство сока (*maitosien* 'белянка', букв. 'молочный гриб'). Выделены названия по характерному запаху, звуку, лекарственным свойствам и использова-

нию растения в народной медицине. Некоторые растения названы по народным поверьям, обычаям (*arpokukka* 'нивяник', букв. 'гадальный цветок', *rakkauventavinkukka* 'вероника дубравная?', букв. 'цветок любовной болезни, присушка').

В лексике флоры финских говоров Ленинградской области представлены древние балтийские, германские и славянские заимствования, а также более поздние заимствования из русского языка. Совсем нет русских заимствований среди названий ягод, мало их среди названий деревьев и дикорастущих травянистых растений. Шире представлены русские заимствования в названиях грибов и тех культурных растений, с которыми финны познакомились позднее. Встречается и своеобразное комбинирование исконных слов с заимствованиями, напр., *keltane romaska* 'пижма', букв. 'желтая ромашка'. Встречаются и кальки.

Заимствования автор этимологизирует в целом верно, оставляя открытыми некоторые сомнительные случаи. Правильно отмечается, что фонетические варианты одного и того же названия отражают различную степень освоения его (*leiver*, *kleiver*, *kleever* 'клевер'), однако систематический обзор основных способов фонетического освоения (в том числе замена звонких согласных глухими, дифтонгизация гласных и др.) отсутствует. В интересах четкости результатов исследования хотелось бы видеть количественные и процентуальные данные о заимствованиях (в целом и по отдельным рядам растений). Так как не рассматривается западная группа говоров (автор оперирует материалом северной, восточной и средней групп), то количественные данные имеют первостепенное значение для дальнейшего исследования проблемы по западной группе говоров Ленинградской области, а также для сравнения с другими родственными языками. В иных частях работы статистический аспект учтен в достаточной мере.

Вторая глава «Структурно-словообразовательные модели наименований растений» (с. 75—122) начинается обзорной таблицей о делении наименований на простые и сложные (соотношение — 138 и 485). Бросается в глаза большая доля сложных слов, особенно среди названий травянистых растений (284; простых

наименований только 32). Есть две группы, в которых соотношение противоположно: овощи — 24 и 9, злаковые и технические культуры — 21 и 15. Здесь были бы уместны комментарии.

Весь анализируемый материал хорошо систематизирован. Для простых форм автор выделяет более 20 суффиксов, участвующих в образовании названий растений, напр., *-e* (*näre* 'ель'), *-jaine* (*apijaine* 'клевер'), *-kka* (*vaarikka* 'малина'), *-lä* (*jäkälä* 'ягель'). Сомнительно наличие суффикса *-la* в *pihjala* 'рябина' (с. 84): обычная форма на исследуемой территории — *pihlaja*, где суффиксом может быть только *-ja* (< *-*ya*). Следовательно, *-la* изначально относится к основе, а в случае *pihjala* налицо деформированное, метатезное образование (ср. в более отдаленных родственных языках: морд. *pižol*, мар. *pizle* и др.).

Многие простые наименования присоединяют к себе детерминант и выступают в составе сложных наименований. Автор верно отмечает, что таким образом структурные модели пересекаются между собой.

Сложные названия автор делит на две группы: названия, состоящие из двух компонентов, и названия, состоящие из трех и более компонентов. Тип сложения — номинативный или генитивный, например, *kissel'/puu* 'ревень' (кисель + дерево), *pukin/tatti* 'козляк', букв. 'козляк грибок'.

Из этимологических объяснений вызывает сомнение попытка свести *karpalo* 'клюква' к сложному **kaarnepöla*, где *kaarne* 'вороника' и **pöla* 'брусника' (с. 109). Сравнение с коми *tuруnyv* 'клюква', букв. 'журавлиная брусника' является слишком отдаленным — мнение автора, по-видимому, остается на уровне гипотезы. Однако заслуживает признания самостоятельный и непредвзятый подход Ю. Э. Сюръялайнен к исследуемому материалу. При рассмотрении семантической структуры названий растений она убедительно выясняет взаимосвязь обозначений растительного мира с другими группами лексики.

Третья глава «Варианты местных наименований растений и их распространение в говорах» (с. 123—160) во многом лингвогеографическая. На 16 схемах приводятся данные (варианты и их распространение) о названиях растений, отно-

сительно которых автор располагает наиболее многочисленным и разнообразным материалом. Богаче всего представлены синонимы-названия у растения лютик, число их достигает 14—15, при этом даже из одного говора записано до четырех вариантов, напр. *luu(n)kivistösheinä*, *luuvvelo*, *karstakukka(ne)*, *kanansilmä* (с. 129). Справедливо отмечается что значительное количество синонимов объясняется многообразием признаков, присущих каждому явлению и предмету окружающего мира.

В заключении (с. 161—164) даются краткие выводы и основные результаты анализа. Они вполне убедительны.

Список использованных работ (12 с.) свидетельствует о хорошем знании авто-

ром специальной литературы. Ряд приложений, являющихся результатом большого труда, повышают ценность исследования.

Работа имеет практическое значение. Ее материалы и выводы могут быть использованы исследователями прибалтийско-финских языков; диалектный материал уже включен в словарь северных ингерманландских говоров. Можно констатировать, что исследование Ю. Э. Сюръялайнен как своей многоплановостью, так и умелым использованием различных методов (синхронического, диахронического, лингвогеографического) может служить хорошим примером для других подобных работ.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

З. П. Ануфриева, Топонимия Ижмо-Печорского бассейна. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1982.

10 января 1983 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР З. П. Ануфриевой на выше-названную тему. Исследование выполнено под научным руководством кандидата филологических наук Г. Г. Бараканова. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук А. И. Туркин (Таллин).

Работа З. П. Ануфриевой посвящена топонимии (в основном микротопонимии) бассейна Ижмы и Средней Печоры с притоками. В языковом отношении — это ареал ижемского диалекта. Через территорию Ижмо-Печорского бассейна в глубокой древности проходили важнейшие водно-волоковые пути, связывавшие Европейский Север с Зауральем. По притокам Ижмы и Печоры двигались ушкуйники древнего Новгорода, кочевали олени стада многочисленных ненецких родов, в XVI—XVII вв. здесь начали появляться отдельные группы верхневычегодских, вымских и удорских коми.

В этом своеобразном гигантском котле и формировалась ижмо-печорская топонимия.

Сбор, систематизация и анализ топонимов — своеобразных памятников языка — во многом могут способствовать изучению ижемского диалекта, выяснению этногенеза народа коми, особенно в период формирования его народности. В этом плане тема исследования З. П. Ануфриевой выбрана удачно и актуальность ее не вызывает сомнения.

Работа без приложения списка топонимов составляет 165 страниц машинописного текста. Она начинается с небольшого введения (с. 4—35), в котором указываются цели и задачи, методика и источники исследования, практическая ценность работы. В нем представлены основные сведения по коми топонимии, дается история изучения ижемского диалекта. На археологическом и историческом материале очень лаконично излагается история заселения бассейна Печоры. На наш взгляд, следовало бы подробнее остановиться на топонимическом изучении бассейна Ижмы и Печоры. Из поля зрения автора выпали некоторые статьи и топонимические словари А. Н. Тенегина, А. К. Матвеева, А. И. Туркина. В целом введение выполнено